

РЫЦАРЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Смотрел я в театре драму Владислава Дозорцева «Последний посетитель» и диву давался. До чего же осмелел театр! Еще несколько лет назад такая пьеса была бы немыслима в нашем театре. Приходит обыкновенный человек к заместителю министра, ожидающего назначения на пост министра, и советует ему добровольно отказать от должности, объясняя напрямик, в лицо, что не заслуживает ее.

В такой ситуации у «заяма» на лице меняются почти все цвета радуги. Сначала он бледнеет от неожиданности, потом желтеет от страха, а затем покрывается багровым цветом — уже от злости.

Что ни говорите, не показывали такого в театре. Не то время было. А актеров на подобные роли и тогда можно было сыскать. Взять, например, Михаила Федоровича Астангова, народного артиста СССР (он умер немногим более двадцати лет назад). Ему по душе пришла бы такая пьеса. Можно не сомневаться, он создал бы в ней убедительный образ — конечно, не заместителя министра, а кажущуюся, на

первый взгляд, немыслимой роль «последнего посетителя» — «просто современного человека», как тот именуется себя.

Астангов и в жизни мог гласно высказать иному вышестоящему начальнику, что он без пользы протрирует директорское кресло. Сегодня нелишне вспомнить о его гражданской позиции. Недаром же знаменитый советский режиссер Юрий Александрович Завадский говорил, что Михаил Федорович принадлежал к типу людей «нетерпимых к банальности, к безобидной на вид серости».

Когда Астангов умер, в некрологе в числе прочих заслуг артиста была отмечена его «бескомпромиссность в вопросах искусства». Только сейчас мы стали понимать, что бескомпромиссность означает решительность не только иметь свое мнение, но и отстаивать его честно, открыто.

В народе говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты сам будешь. Так вот, Михаил Федорович Астангов был

дружен с Ольгой Ивановой Пыжовой. Знали ее люди говорили об актрисе: она была интересным человеком, с острым и оригинальным мышлением и одновременно взбалмошной женщиной. Ничего не скажешь — редкое сочетание!

Свой творческий путь Пыжова начинала как актриса МХАТа. Играла даже Мирандолину в паре с самим Станиславским, выступавшим в роли Риппафрата. Потом служила в других театрах. И в один прекрасный день решила совсем уйти со сцены. Для многих было непонятно, как могла она решиться на такой шаг.

Уже значительно позднее Ольга Николаевна обмолвилась: «Не буду рассказывать о своих обидах...». Не они ли сыграли роковую роль в уходе со сцены? Во всяком случае именно Астангов пытался удерживать ее от такого шага.

— Кто хозяин в театре? — горячился он. — Мы, актеры! Без кого театра нет и не было? Без нас!

Куда ты собралась? Что ты, опомнись!

Астангов, как вспоминала Пыжова, «вернул мне чувство хозяйки театра, и я не ушла».

И все-таки прошло еще какое-то время, Ольга Ивановна покинула сцену. — Как можно уходить из своего дома? — недоумевал Астангов. — Театр — это твой дом...

У него самого бывали обиды, но он умел их гасить и в то же время изза своей прямолинейности наживал кучу недругов. Он был из тех, которые не любили шептаться тайком, по углам, в кулуарах.

По словам О. И. Пыжовой, в ее присутствии у Михаила Федоровича произошел однажды нелестный разговор с директором театра.

— Я внимательно и давно наблюдаю за вами, — говорил он спокойно, — и вижу, что у вас нет ни призвания, ни умения быть директором, поверьте мне..

Астангов сделал паузу, во время которой директор, оставаясь сидеть в

своем кресле, изменил положение, но сохранил привычную маску значительного лица.

— Вам лучше всего самому, добровольно уйти из театра, — продолжал артист, и в голосе его не было ни повышенных нот, ни скандальной интонации. — Ведь вы не любите театр, не понимаете актеров, не умеете привлечь драматургов.

Тут директор не выдержал, встал. Маска значительности исчезла с его лица, и теперь на нем отражалась растерянность. Он привык к почтению, порой угодничеству, умел распекал по любому поводу. Теперь же все слова, которые он собрался обрушить, словно застряли где-то внутри и не могли вырваться наружу.

— И вам нет радости, — продолжал Астангов, — и театру плохо. Неужели вы не понимаете, что в такой ситуации театр просто ржавеет.

— Кто ржавеет? — только и смог выдавить директор.

— Театр ржавеет, — повторил Михаил Федо-

рович, сделал еще одну паузу и заговорил почти доверительно: — Послушайте, а почему бы вам не перейти на другую работу? Вот, например, научиться ремеслу часовщика. Это же благородно! Или стать сапожником — какая прекрасная профессия! Зачем вы губите себя в стенах театра?!

Директор вновь втиснулся в свое кресло, возложил локти на широкий стол, оперся на них, пытаясь вернуть себе выражение значительности. Но не мог прийти в себя от слов, которые услышал прямо в лицо. Он весь побагровел и подумал про себя: «Нет, не пройдет ему это безнаказанно, хоть и народный артист!..».

Уже выходя, Ольга Ивановна Пыжова упрекнула своего друга:

— Ну, знаешь ты, может быть, и рыцарь справедливости, но насчет сапожника — хватил лишку!.. Как всякая серая бездарность, он тебя за «сапожника» при случае чем-то вроде колодки огреть!..

Гласность зрела в душах людей, но пора ее в то время еще не наступила...

Дмитрий ВРУДНЫЙ.